

И. В. Даниленко

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОРИЯ: ГДЕ ПРОХОДЯТ ГРАНИЦЫ В XXI ВЕКЕ?

Интенсивное расширение методологии исследования текста в целом во второй половине XX века не могло не затронуть проблем историописания в частности. Возрождение интереса к истории и историческому роману в 1950–60-х годах стало результатом обновления исследовательских и эсте-

тических подходов к историческому прошлому, обусловленных распадом всеобщей концепции истории и неприятием единого нарратива. Существующие исторические нарративы субъективны и ненадежны, обладают сомнительной аутентичностью и подлинностью. Именно это обстоятельство наводит на мысль о том, что наряду с официальной историей или историей победителей существует исторический опыт рядовых, неизвестных или даже поверженных участников исторических событий, который также вправе претендовать на свое место в историографии. В 1960–70-е годы работа по деконструкции тотальных нарративов была продолжена. Ее задачей стало обнаружение разного рода лагун, намеренного или естественного искажения исторических документов, артефактов, что позволило взглянуть на исторические события и их привычные интерпретации с позиций междисциплинарных связей из области культурологии, антропологии, лингвистики, исторической психологии, углубляя тем самым представления об истории. Логика «нового историзма» направлена, таким образом, на интерпретацию исторически и культурно обусловленных текстов, в которых переплетены личностные и коллективные установки с целью создания собственного текста, отвечающего требованиям настоящего момента. С этой точки зрения, цель каждой последующей интерпретации истории заключается отнюдь не в постижении окончательной истины, а в приближении к ней, в создании многоликого и несистематичного интертекста истории, закрепляющего связь времен и непрерывность традиции. В этом смысле и историк, и писатель получают равные права на участие в интерпретационном процессе, обеспечивая тем самым децентрализацию историописания. А то обстоятельство, что они обращаются, как правило, к замалчиваемым официальной историей событиям, лишь подчеркивает факт этой децентрации.

Французский литературовед А. Компаньон обращает внимание на то, что художественная литература рубежа XX–XXI веков заняла то «пространство, которое оказалось неосвоенным историографией» (A. Compagnon. *Histoire et littérature, symptômes de la crise des disciplines*), а именно – преступления европейской цивилизации XX века в связи с их нравственной оценкой. В качестве примера ученый приводит романы, которые посвящены событиям Холокоста, долгое время замалчиваемым официальной западной историей. Речь идет, прежде всего, о романах Дж. Литтелла «Благоволительницы» и Я. Аннеля «Ян Карский», вызвавших очень противоречивую критику: от восторженных похвал до яростного неприятия. Однако неоднозначность оценок критики не исключает того очевидного факта, что авторам этих произведений удалось обнаружить и исследовать «неудобные» для историографии проблемные общественные запросы, осмыслив их в нравственно-эстетической плоскости. На волне интереса к затронутой в упомянутых романах проблематике возникли как новые романы о Холокосте (A. Talvaz. *Ce que nous sommes*. Paris : Editions L'Act Mem, 2008 ; J. Bialot. *186 marches vers les nuages*. – Paris : Métailié, 2009 ; M. Dugain. – Paris : Gallimard, 2012 ; A. Baldacchino. *Celui qui disait non*. – Paris : Fayard, 2018), так и исторические исследования на данную тематику (Ch. Ingrao. *Croire et détruire*. Les

intellectuels dans la machine de guerre SS. – Paris : Fayard, 2010). А. Компаньон справедливо сравнивает роль, которую довелось сыграть романам Дж. Литтелла и Я. Аннеля в истории французской литературы начала XXI века, с той, которая обычно отводится «двойным агентам», отмечая при этом, что «двойные агенты по определению предатели, но мы должны быть им благодарны, потому что они спасают нас от многочисленных бедствий» (А. Compagnon. Histoire et littérature, symptoms de la crise des disciplines).

Тот факт, что литераторы рубежа XX–XXI веков активно осваивают территорию историографии и делают это не менее успешно, чем сами историки, выполняя запросы общества по сохранению исторической памяти и культуры западной цивилизации, в очередной раз выдвигает в поле научного и историософского обсуждения вопросы границ истории и литературы, ответственности историка и писателя. Размышляя по этому поводу, и литературовед А. Компаньон, и историк П. Нора в унисон заявляют о массивном проникновении литературы в святая святых истории с использованием совершенно неправдоподобных и немыслимых инструментов и методов. Однако именно этот подход позволил автору романа «Благоволительницы», а затем и автору «Яна Карского» рассказать средствами современного романного мышления о чудовищных преступлениях нацизма, ставшего порождением цивилизованного европейского общества. П. Нора усматривает в появлении такого рода произведений попытку гуманистически настроенной артистической элиты привлечь внимание общества к необходимости сохранения памяти о трагических событиях и их жертвах в то время, когда уже практически не осталось живых свидетелей Второй мировой войны.

Решение столь непростой задачи потребовало от авторов коренного пересмотра стратегии концептуализации истории в романе об историческом прошлом. Речь идет, прежде всего, об изменении точки зрения повествователя, переориентированной с внешней на внутреннюю фокализацию, с традиционной на трансгрессивную позицию повествователя. Трансгрессивность повествователя может выражаться не только в нетипичности повествователя-героя или непосредственного свидетеля / участника событий, но и в непривычной интерпретации исторических событий, предложенной такого рода повествователем. Изменения концептуализации истории предопределили поиски релевантных выразительных форм, с помощью которых трагические события осмысляются как в конкретно-историческом ракурсе, так и в архетипическом, метафизическом, нравственно-ценностном.

Целью концептуализации истории в современной французской исторической прозе, по мнению П. Нора, является «раскрытие психологического механизма уничтожения», что квалифицируется историками как «слепой угол историографии» (J. Littell. Conversation sur l'histoire et le roman, 2007). Сочетание превосходного владения историческим материалом и трансгрессивной эстетики позволяет современному писателю выразить такую правду истории, к которой историкам, по выражению П. Нора, «невозможно даже приблизиться» (J. Littell. Conversation sur l'histoire et le roman, 2007). Тема массового уничтожения ни в чем не повинных людей долгое время остава-

лась одной из самых табуированных в сфере искусства, и чтобы начать говорить о ней с поколением, утратившим представление о реальной картине крупнейшей европейской катастрофы, автору понадобилось не только гражданское мужество, но и весьма специфическая эстетическая форма, соразмерная чудовищному масштабу этой трагедии истории, а также особой выразительности метаязык, на котором жертвы говорят устами палача.

При этом автор не дает никакой моральной оценки истории, не предпринимает никаких попыток судить прошлое с позиций сегодняшнего дня, предоставляя эту возможность самому читателю. Рассуждая о новой концептуализации истории, использованной Дж. Литтеллом в романе «Благовоительницы», Я. Анелем в «Яне Карском», Л. Бине в «ННhН», П. Леметром в «До встречи там, наверху», представляется важным обратить внимание на преемственность трансгрессивной литературной традиции в современной французской литературе в связи с именами Ф.-М. Селина, М. Турнье, Ж.-П. Шаброля и др., которые, по нашему мнению, утверждали всем своим творчеством невозможность существования «глобальной» концепции истории в условиях изменившегося статуса категорий «субъекта» и «объекта» истории.